

УДК 070.15
ББК 76.023

ЖУРНАЛ «СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ» В АСПЕКТЕ ТИПОЛОГИИ ПЕРИОДИКИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»

Александр Владимирович Млечко

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русской филологии и журналистики,
Волгоградский государственный университет
iryas@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы создания одного из самых крупных в истории отечественной журналистики «толстых» журналов – журнала «Современные записки» (1920–1940). При этом история журнала вписывается как в широкую картину истории журналистики русской эмиграции, так и в парадигму ее типологических характеристик. Особое внимание уделяется анализу идеологии и редакторской политики «Современных записок», а также характеристике текстов, напечатанных в журнале.

Ключевые слова: журнал, эмиграция, типология, периодическая печать, журналистика, литература.

Среди достаточно большого количества центров русского рассеяния (Берлин, Париж, София, Белград, Харбин и др.) традиционно «столицами» считаются два города. Это Берлин и Париж. Их роль в жизни русского зарубежья далеко не равнозначна. В 1920–1924 гг. роль ведущего интеллектуального и литературного центра выполнял Берлин, в то время как Париж был центром политическим.

Особенностью берлинского периода было относительно свободное общение между эмигрантскими авторами и советскими –

русское культурное пространство еще ощущалось единым, нерасчлененным. Об этом говорит тесное соседство сугубо эмигрантских изданий («Руль», «Голос России», «Дни», «Время», «Грядущая Россия» и др.) с «просоветскими» газетами «Новый мир» и «Накануне». Большинство эмигрантов воспринимали берлинскую жизнь как место временного изгнания, они были уверены в близком падении советской власти и в своем скором возвращении на родину. Но этому не суждено было сбыться, и к началу 1923 г. среди русских

эмигрантов стали преобладать настроения разочарованности (они подогревались сведениями о разгоне Всероссийского комитета помощи голодающим, суда над эсерами, гонения на «инакомыслящую» интеллигенцию, прекращением «конструктивного диалога» с интеллектуальными силами «метрополии»). Поэтому переезд в Париж митрополита Евлогия, управляющего Русской зарубежной церковью в Западной Европе, многими был воспринят символически – уже к концу 1923 г. переселение русских эмигрантов из Берлина в Париж стало массовым. Так закончился «романтический» период жизни русского рассеяния.

Политическим центром эмиграции Париж был изначально. Именно здесь еще в 1919 г. было организовано Русское политическое совещание, в 1921 г. прошел Национальный съезд и был сформирован Национальный комитет под председательством А.В. Карташева, объединивший умеренные круги эмиграции. В Париже было создано Республиканско-демократическое объединение под руководством П.Н. Милюкова; наконец, во французской столице обосновался ряд финансовых организаций эмиграции, располагающих довольно крупными средствами.

В начале 1920-х гг. создаются новые организации, объединяющие широкие круги деятелей культуры и науки, офицеров, студентов. Это Союз русских литераторов и журналистов, Союз русских музыкальных деятелей, Общество спасения русской книги, Русское юридическое общество, Союз русских студентов, Союз русских офицеров и т. д. Наконец, именно в Париже возникали и выходили крупнейшие периодические издания русской эмиграции этого периода – от ежедневных газет до толстых журналов.

И, как видно уже из этого перечисления, типологические характеристики периодической печати русского зарубежья неотделимы от его идеологического, политического и – шире – общекультурного ландшафта. «Кроме того, без учета политических реалий просто невозможно полноценное изучение культуры Русского Зарубежья, – совершенно справедливо указывает редактор антологии политической мысли русской эмиграции. – Можно ли разделить Ивана Ильина-филосо-

фа и Ивана Ильина-проповедника “Белой идеи”, Павла Муратова-искусствоведа и Павла Муратова-ведущего публициста правоцентристской газеты “Возрождение”? Где кончаются как историки и начинаются как политики Милюков и Мельгунов? Как, исследуя жизни и творчество Марины Цветаевой, забыть о ее муже Сергее Эфроне – левом евразийце и агенте ОГПУ? Надежда Плевицкая имеет прямое отношение не только к песенному искусству, но и к истории Русского Обще-Воинского Союза. Бунинская рука писала не только “Жизнь Арсеньева”, но и “Миссию русской эмиграции”, а Нобелевская премия Ивана Алексеевича – событие как литературное, так и политическое. Имя Бориса Савенкова неизбежно возникает рядом с именами Мережковского и Арцыбашева... Примеры взаимосвязи эмигрантской политики и культуры можно множить и множить...» [5, с. 4].

При всей внешней пестроте политическая дифференциация русской эмиграции «первой волны» достаточно отчетлива. Для нас важно отметить, что ее позиционирование происходит по отношению к России и российским событиям начала XX в., прежде всего – 1917 г., сыгравшего в истории страны поистине судьбоносную роль. С этой – единственно конгруэнтной – точки зрения практически все политические направления эмиграции располагаются по трем основным векторам. Во-первых (их подавляющее большинство), это движения правого толка (включая «правоцентристов» и «праворадикальные» движения), имеющие общие идеологические характеристики. Среди них следует отметить «реставраторские» настроения, почти все они были сторонниками монархии, хотя и по-разному понимаемой (от конституционно ограниченной до абсолютной), что, конечно же, подразумевает их резкую противопоставленность не только большевизму, но и всякой революционности вообще.

Несмотря на определенные разногласия, к примеру, правых и правоцентристов, их объединяли последовательный, непримиримый антибольшевизм. «Праворадикальные» движения также во многом солидаризировались с правыми и правоцентристами, но уже «по определению» отличались от них доходящим до точки экстремы антикоммунизмом.

Вторым «вектором» политической жизни русского зарубежья были левые течения, находившиеся по отношению к правым в оппозиции, принимавшей иногда крайние формы. Левый фланг представляли довольно многообразные союзы и партии, входившие в достаточно широкий республиканско-демократический лагерь, отличавшийся идеологическим единством при просторном политическом коридоре мнений. «Наибольший интерес вызывает Республиканско-Демократическое объединение как союз, возникший в результате соглашения не политических партий (чем был Республиканско-Демократический блок), но широкого круга лиц, среди которых имелись деятели различных демократических партий, от левых кадетов до правых социалистов включительно, а также члены самых разнородных общественных организаций, от Всероссийского Крестьянского союза слева... до Российского торгово-промышленного и финансового союза (Торгиромы) справа...» [9, с. 519].

Главное, что сближало правый и левый лагерь эмиграции, было неприятие большевизма, но, как видно уже из названия, адепты республиканско-демократического течения не разделяли монархических настроений правых и во многом сохраняли приверженность идеалам Февраля 1917 года. Кроме того, от «правофланговых» они отличались большей идеологической мобильностью и гибкостью, успеху которых способствовала неплохая финансовая база. «В программно-тактических документах общественно-политических организаций республиканско-демократического крыла российской эмиграции ставке на взаимодействие со всеми антибольшевистски настроенными слоями и группами населения СССР отводилось весьма важное место. Отмеченное обстоятельство не исключало наличия между отдельными течениями и группировками этого крыла тех или иных разногласий, чаще всего возникавших в вопросах тактики» [9, с. 521].

В качестве третьего «вектора» мы можем назвать движения, стремящиеся «понять» большевистский переворот 1917 г. и наладить «конструктивный диалог» с Советской Россией. Прежде всего это два общественно-политических течения – «сменовеховство» и «ев-

разийство». «Сменовеховством» называли определенное течение и умонастроение в эмигрантской среде, определившееся после выхода в Праге в 1921 г. сборника статей «Смена всех». Статьи были объединены «сквозной» тематикой и проблематикой – необходимостью «услышать» революцию и призывам к русской интеллигенции к «покаянию» в своих политических ошибках.

Сменовеховцы полагали, что Россия возродится, вновь обретя свое великодержавное лицо, и первые шаги к этому уже сделаны, не надо лишь мешать процессу. Последнее относится к интеллигенции, прежде всего к эмигрантской. Революция, считали сменовеховцы, была воплощенной в жизнь давней мечтой многих поколений русских интеллигентов, но наяву эти фантазии облеклись плотью и кровью, от чего интеллигенты в ужасе отшатнулись. Отсюда и берет начало необходимость в их покаянии перед Россией, а не в борьбе с ней. В целом деятельность сменовеховцев оценивалась в эмиграции негативно, но вызывала множество откликов и привлекала общее внимание.

В августе 1921 г. (почти одновременно со сборником «Смена веков») в Софии вышел другой сборник статей, вызвавший не меньший интерес и резонанс. Он назывался «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» и включал анонимное вступление и десять статей разных авторов, которые и стояли у истоков евразийства как движения и одновременно особой концепции о месте России между Востоком и Западом, оказавшей большое влияние на развитие общественной мысли русского зарубежья. В отличие от большинства эмигрантов, считавших, что русская история завершилась в 1917 г., евразийцы полагали, что революция знаменовала собой «выпадение» России из сугубо европейского культурного пространства и начало совершенно новой русской культуры. Как и сменовеховцы, евразийцы тоже «смиряться» перед русской революцией как перед «стихийной катастрофой», но, в отличие от первых, не призывали в Каносу, а делали упор на Церкви как на одном из устоев будущей России.

Уже на основе этой краткой характеристики становится понятным, почему большинство периодических изданий эмиграции «пер-

вой волны» придерживались той или иной политической линии. К примеру, две самые крупные газеты диаспоры – «Последние новости» и «Возрождение» – представляли левую и правую политические линии соответственно. «Последние новости» (1920–1940) были самой долговечной из эмигрантских ежедневных газет. В 1921 г. из сугубо информационного издания газета стала органом Республиканско-демократического объединения, выходящим под редакцией П.Н. Милюкова и его политических соратников. Имея явный «левый» уклон (среди приоритетов издания значились отказ от вооруженной борьбы против большевиков и демократические идеалы), «Последним новостям» все же удалось привлечь к себе весьма крупные литературные и журналистские силы, недостатка в подписчиках и читателей газета также не испытывала. Для нас важно подчеркнуть и тот факт, что самое пристальное внимание газета уделяла художественной литературе и литературной критике как феноменам, определяющим лицо культуры русского зарубежья.

Второй крупнейшей газетой «русского Парижа» стало издание «Возрождение» (1925–1940). По замыслу создателей газеты (издателем был нефтепромышленник А.Д. Гукасов, а главным редактором с 1925 по 1927 г. философ и публицист П.Б. Струве, которого сменил Ю.Ф. Семенов), это было консервативное издание монархического толка, долженствующее объединить силы русского зарубежья на основе идей Белого движения. В качестве задач газеты определялись выработка доктрины, программы и идеологии Белого движения и освещение подготовки и проведения «Всемирного русского съезда» зарубежья, призванного сплотить правые и правоцентристские силы эмиграции перед «красной угрозой»: «Сейчас культурный мир от великих потрясений может спастись только *сосредоточением* в каждой стране ее охранительных сил и честным *союзом* охранительных сил всех стран. <...> Мир должен сомкнуть свои ряды – против коммунизма и всего, что ведет к нему», – писал на страницах «Возрождения» в своем «Дневнике политика» П. Струве (Возрождение. 1925. № 206. 25 декабря). Эти идеи нашли поддержку не только у философов и публицистов, близких П. Струве (И.А. Иль-

ин, А.А. Салтыков, С.С. Ольденберг), но и у собственно писателей (И.С. Шмелев, И.А. Бунин, И.Д. Сургучев и др.). Поэтому нет ничего удивительного в том, что художественная проза «Возрождения» имела ярко выраженный православный характер. Лучше всего ему соответствовало творчество И. Шмелева и Б. Зайцева, произведения которых регулярно появлялись на страницах газеты П. Струве и снискали признание ее критиков. В том же религиозном ключе нельзя не интерпретировать творчество и другого постоянно автора «Возрождения» Д.С. Мережковского, супруга которого, З. Гиппиус, также выступала в том же издании как критик и публицист.

Печать «сменовеховцев» и «евразийцев» не ограничивалась лишь программными сборниками статей. Так, в октябре 1921 г. стал выходить еженедельный журнал «Смена вех» (1921–1922), где развивались идентичные одноименному сборнику идеи – в нем шло лоббирование идеологии национал-большевизма и предлагалось «преодолеть» большевизм «изнутри», «эволюционно», отказавшись от вооруженной борьбы с ним. Представители советской власти оценили их деятельность, и сменовеховцы решили, что первый этап работы пройден и они находятся «накануне великого дня» возвращения в обновленную Россию. В начале 1922 г. сменовеховцы перебираются в Берлин, где вместо журнала начинают выпускать ежедневную газету «Накануне» (1922–1925), которую можно рассматривать как своеобразный «плацдарм» перед будущим возвращением большей части сменовеховцев на родину. Общая направленность газеты была еще более радикальной, чем ориентация парижского аналога.

Журналом, близким своей позицией к идеям евразийства и сменовеховства, были «Версты» (1926–1928), три номера которого вышли в Париже. Он издавался под редакцией Д.П. Святополка-Мирского, П.П. Сувчинского, С.Я. Эфрона и «при ближайшем участии А. Ремизова, М. Цветаевой и Л. Шестова». Главный упор в журнале делался на литературные и критические материалы, причем подбор авторов был целенаправленным (так, уже в первом номере печаталась поэзия С. Есенина, М. Цветаевой, И. Сельвинского, рязанские частушки, а также проза А. Ремизова, И. Бабеля и А. Ве-

селого). Как и в выше охарактеризованных изданиях, мы видим здесь жесткую корреляцию художественного дискурса журнала и его общей направленности. «Все эти авторы объединены своеобразным пониманием мятежного русского характера, соединяющего в себе громадное, неутоленное чувство любви с жестокостью, веру в Бога и Провидение с безбожием, праведность с разгульностью. Русская история выступает здесь как некая азиатская самобытность, в ее величии и трагизме, в ее мессианской роли» [1, с. 52].

Кроме того, не случайным было и наше педалирование художественной составляющей этих изданий как некоторого эпистемологического условия существования эмигрантской культуры, ее смыслопорождающего механизма, обеспечивающего осцилляцию культурных приоритетов в указанных рамках на пространстве *русского* проблемно-тематического поля. Здесь мы уже подходим именно к тем позициям, которые будут важны для характеристики «Современных записок», занимавших определенную типологическую нишу в системе периодики русского зарубежья – это так называемые толстые журналы, сыгравшие столь важную роль в русской медиасреде и русской культуре XIX–XX вв. в целом.

Даже цифры говорят о явном преобладании такого типа, как журнал, над иными типами изданий (55,4 % к общему числу – данные до 1930-х гг. включительно), чему находится и культурно-историческое объяснение: «Наличие значительной прослойки интеллигенции, образованных людей, испытывавших острую потребность в чтении русской литературы, в разнообразной информации, привело к созданию немалого числа “толстых” журналов и преобладанию влияния этого типа издания на аудиторию по сравнению с газетой, что подпитывалось традициями русской печати XX века. Журналистика русского зарубежья этих лет в какой-то степени осталась в плену этих традиций» [4, с. 174].

Первым таким «толстым» журналом эмиграции была «Грядущая Россия», основанная в Париже в 1920 г., редактировали которую совместно А.Н. Толстой, М. Алданов, Н. Чайковский и В. Анри. В журнале начали печатать свои романы «Хождение по мукам» А.Н. Толстой, «Огонь и дым» М. Алданов, а

также здесь свои первые зарубежные стихи опубликовал В. Набоков, еще не пользуясь псевдонимом Сири. Вышло всего два номера «Грядущей России», и причиной ранней смерти журнала было прекращение средств, шедших из частного меценатского источника.

На смену «Грядущей России» пришел журнал «Современные записки», сполна отвечающий требованиям, предъявляемым к традиционным русским «толстым» журналам. Так, если следовать алгоритму, предлагаемому О.Г. Шильниковой для определения типологической специфики русского литературно-художественного журнала, то нельзя не констатировать релевантности историко-культурных реалий журнала выделяемым отечественным исследователем признакам. Во-первых «Современные записки» имеют отчетливую «трехмодульную структуру, объединяя в каждом номере художественное творчество, публицистику (в различных ее модификациях – политической, документальной, научно-популярной, нравственно-этической, философской, религиозной и т. п.) и литературную критику» [8, с. 66]. Во-вторых, нельзя сказать, что в большинстве своем в «Современных записках» не представлены тексты определенного литературного направления – выбор редакции художественных произведений, тяготеющих к (символическому) реализму очевиден. В-третьих, бесспорным представляется тот факт, что «Современные записки» являлись «центром консолидации сил российской интеллигенции» [8, с. 68] – наверное, ни в одном «толстом» журнале не было такого количества выдающихся русских писателей, мыслителей, ученых и общественных деятелей в качестве сотрудников, как в «Современных записках».

Четвертый признак – «направленчество» – также отчетливо выделяется в историко-типологическом облике журнала, хотя говорить о нем можно, скорее, лишь в формальном аспекте. Созданный группой эсеров, журнал так и не стал «партийным органом», хотя общее «антибольшевистское» направление в «Современных записках» прослеживалось очень четко. Универсальность и энциклопедичность – пятый признак «толстого» журнала, в полной мере присущий «Современным запискам». Как пишет в своей обзорной статье М. Пархомовский, кроме талантливейшей беллетри-

стики, ставшей классикой русской литературы XX в., «Современные записки» опубликовали целую энциклопедию суждений о России» [6, с. 221]. Шестой признак, по справедливому замечанию исследователя, заключался в том, что «благодаря энциклопедизму и тяготению к идейной монолитности журнал давал читающей публике не только “точку зрения” на литературные, общественные и жизненные проблемы, метод их оценки, но и свое “содержание мирозерцания”, общий взгляд на мир, хотя и под заранее заданным и вполне определенным углом зрения» [8, с. 70]. Взгляд на «Современные записки» как на текстуальное пространство, консолидирующее социальные паттерны, выступающие репрезентантами эмигрантской картины мира, собственно, и представлен в нашей работе. Нельзя сказать и об отсутствии седьмого условия – «единой программы и общности проводимой редакцией политики, то есть цельности направления» [8, с. 70], хотя, повторимся, рамки данной общности были достаточно широки и не укладывались в прокрустово ложе «партийной линии». И последний признак – особая социально-психологическая конституция редактора издания, обеспечивающая единство и эффективность русского «толстого» журнала. «Современные записки» управлялись коллективом редакторов, и тем не менее центрообразующую роль во многом играл М.В. Вишняк.

«Современные записки» представляли собой самое крупное (во всех смыслах этого слова) и влиятельное издание русского зарубежья (некоторые исследователи относят «Современные записки» к числу самых крупных изданий русской журналистики вообще). Это был журнал-долгожитель (выходил с 1920 по 1940 г.), на страницах которого были опубликованы художественные, философско-публицистические, мемуарные и критические произведения наиболее видных и известных писателей, мыслителей, критиков и, в целом, деятелей культуры русской эмиграции первой волны. Невозможность переоценки той роли, которую сыграл журнал в истории русского рассеяния, хорошо осознавалась самими изгнанниками. На одном из заседаний «Зеленой Лампы» В. Ходасевич так охарактеризовал положение, сложившееся на «литературном фронте» эмиграции: «По условиям эмигрант-

ской жизни, “Современные записки” – чуть ли не единственный у нас толстый журнал. Если они возьмут сторону какой-нибудь одной группы, то механически заткнут глотку всем прочим, – и мне одинаково будет неприятно, случится ли это со мной или с моим литературным противником. Следовательно, некоторый единый литературный фронт эмиграции в “Современных записках” неизбежен. Но это есть блок, а не союз. С этим приходится мириться» (цит. по: [7, с. 315]).

Впрочем, предоставим слово М.В. Вишняку, скрупулезно отслеживавшему отзывы на свой журнал: «Почти все подчеркивали, что «Современным запискам» удалось преодолеть, казалось бы, непреодолимое – «эмигрантскую разрозненность». Может быть, ярче других выразил это поэт и литературовед В.Ф. Ходасевич – как правило, критик суровый и взыскательный. Он писал в газете «Возрождение»: «Следует радоваться, что разделяемые внутренними разногласиями, даже раздорами, идейными, политическими, а нередко личными, мы все же можем порою сойтись за одним столом и признать со спокойной гордостью, что поверх всех разногласий мы прочно связаны одним культурным делом. Праздник “Современных записок” есть истинный праздник всей культурной эмиграции». Ходасевич подсчитал, что за 12 лет в журнале было собрано и проредактировано до 25 тысяч страниц литературного материала, и в заслугу редакторам он ставил то, что они, не будучи ни художниками, ни специалистами-литературоведами, в беллетристическом и поэтическом отделах журнала собрали все или почти все наиболее выдающееся, что было написано за эти годы за рубежом. Особо отмечал он «ту выдержку, ту терпимость, с какою, дирижируя огромным оркестром более нежели ста сотрудников, редакторы достигли того, что ничей голос не оказался заглушен и что, при всем разнообразии высказанных мнений, “Современные записки” являют некоторое внутреннее единство». В. Ходасевичу вторил в «Последних новостях» поэт и литератор Г.В. Адамович, который находил, что «“Современные записки” – один из двух-трех лучших журналов, какие были в России» и что они «не только поддерживают прошлое и настоящее, но думают и о будущем». Писатель

Бор. Зайцев утверждал даже более решительно: «Среди толстых русских журналов в прошлом или ныне я равного “Современным запискам” не вижу». Ив. Шмелев заявлял: «Воистину, это подвиг во имя родной культуры, – победный подвиг руководителей, писателей, издателей». Проф. Бицилли из Софии: «“Современные записки” были единственным убежищем от того культурного одиночества, которое составляет главное проклятие эмигрантского существования». Культурно-просветительское общество русского меньшинства в Ковно обращалось к редакции: «Родные “Современные записки” для нас – луч света среди тьмы, утешение скитания на чужбине». Друзья из Праги называли журнал «гордостью русской эмиграции» [3, с. 11–12].

Понять гордость М. Вишняка за свое детище можно, тем более что на свет оно появилось при непосредственном его участии. Рождение нового эмигрантского «толстого журнала» было одним из «пунктов» достаточно широкой издательской программы эсеровски ориентированной («левой») русской интеллигенции. Заручившись соглашением чехословацкого правительства на материальную поддержку этой программы, «Керенский в начале июля 1920 года созвал в Париже совещание ближайших единомышленников, – по преимуществу эсеров, около 30 человек, среди которых были и один-другой эс-дек и эн-эс. Собрание в течение нескольких дней обсуждало общее политическое положение и вытекавшие из него для русской демократической эмиграции задачи. <...> И прежде всего – уяснить себе и другим причины катастрофы и крушения русской демократии. Естественно, что в этом плане пропаганда – не в американском, уничижительном смысле этого слова – выдвинулась на первое место. Решено было, поэтому, наряду с ежедневной газетой (будущая “Воля Росси” в Праге и “Дни” в Берлине и Париже) и издательством книг, брошюр и листовок, приступить к изданию и “толстого журнала”, традиционного для русского интеллигентского сознания» [3, с. 67].

На этом же совещании был рассмотрен и вопрос о редакционном составе нового журнала. В него были предложены М.В. Вишняк, К.Р. Кочаровский, Е.А. Сталинский, но две последние кандидатуры были тут же заменены

ны пожелавшими участвовать в этом начинании А.И. Гуковским и В.В. Рудневым, так что «первоначальное ядро будущего журнала составилось из Вишняка, Гуковского и Руднева» [3, с. 67]. Но чуть позже в состав были приглашены Н.Д. Авксентьев и И.И. Бунаков-Фондаминский. Последний долго не соглашался войти в редакцию чисто эсеровского журнала, настаивая на принципе межпартийности, но, наконец, все же согласился. В порядке уступки ему было решено, что пятеро эсеров не будут фигурировать на обложке в качестве редакторов: вместо этого будет обозначен, что журнал выходит «при ближайшем участии» фигурантов. Под такой формулировкой журнал выходил практически до самого конца, лишь пятичленный состав редакции был сменен четырехчленной с июля 1925 г., после смерти А.И. Гуковского.

С периодичностью нового журнала дела обстояли не столь благополучно, как хотелось бы. Вот что пишет по этому поводу М. Вишняк: «В течение первого же года существования “Современных записок” стало очевидным, что выходить ежемесячно нам не под силу. Не только редакции было трудно книжку составить, но и внешние условия тому мало благоприятствовало. Послевоенная разруха расстроила транспорт, умножила число таможенных барьеров, установила валютную чересполосицу и привела к тому, что при ежемесячном выпуске одна книжка иногда настигала другую до того, как книжник успевал разослать клиентам предыдущую и расплатиться за нее. Распространение журнала среди эмигрантов в послевоенную пору происходило замедленным темпом. Мы убеждались в этом на опыте. И меньше чем через год – с 7-й книжки – с обложки “Современных записок” уже исчезло обозначение “ежемесячный”. За второй год издания выпущено было всего 5 книг, а там по 4 и даже всего по 3 книги в год. “Современные записки” превратились в трехмесячник, потом в четырехмесячник, а в последние 1938 и 1939 гг. удалось выпустить всего по 2 книги в год; в начале 1940 г. вышла заключительная 70-я книга. Правда, более редкий выход “Современных записок” компенсировался их объемом: книги достигали 500 и даже 600 с лишним страниц» [3, с. 84–85]. Таким образом, с 1920 по 1940 г. вышло

70 номеров (книг) журнала, прекратившего свое существование из-за оккупации Франции гитлеровскими войсками.

Композиционная структура журнала была трехчленной. Первым шел традиционный для «толстых» журналов художественный (без названия) раздел, состоящий из двух немаркированных частей – проза и поэзия (в этом же разделе – опять без дополнительного деления – публиковались и (философская) публицистика). Вторым по объему (не всегда) и очередности шел раздел «Культура и жизнь», в состав которого входили статьи на самую разную тематику – политика, философия, экономика, культура и т. д. Чаще всего статьи содержали те или иные из этих аспектов в различной степени вариативности. Третий – последний – раздел назывался «Критика и библиография» и содержал достаточно большое количество обзоров и рецензий на книжные «новинки» как на русском, так и на иностранных языках.

Как видно уже из самого названия журнала, содержащего отсылки к Некрасовскому и Некрасовско-Щедринскому изданиям, «Современные записки», несмотря на свое «эсеровское происхождение», не мыслился своими создателями (хотя – и особенно отчетливо это ощущалось на начальном этапе разработки концепции журнала – политический «заказ» не принимать во внимание, говоря о «философии» издания) как партийный орган, наоборот, позиционировал себя как внепартийное, более того, отнюдь не узко-политическое издание, но ориентированное на освещение общих культурных приоритетов эмигрантской («старой») России. «Однако не политические взгляды редакторов послужили основой существования журнала, – справедливо отмечает Н. Богомолов, – а стремление создать действительно читаемый журнал, продолжавший традицию русского “толстого журнала”, всегда опиравшегося в первую очередь на беллетристический отдел. <...> Образцом же собственно эмигрантским для первых номеров журнала стал недолговечный журнал “Трудущая Россия”, соединивший под одной обложкой представителей различных партий и подчинивший их публицистическую деятельность беллетристике» [2, с. 444].

Даже бросающаяся в глаза расплывчатость, казалось бы, долженствующего быть четким «руководством к действию» про-

граммного заявления «От Редакции», открывающего первый номер журнала, весьма симптоматична. Словно боясь чего-то или же доказывая что-то сами себе, соредакторы (сам текст заявления был написан В.В. Рудневым) пытаются в нем проскользнуть незамеченными между Сциллой быть обвиненными в «клановости» и «партийной узости» и Харибдой (заподозрить) уличить самих себя в «опасной» и «недопустимой» политической и общественной аморфности. Сначала редакция обходит первое препятствие: «“Современные записки” посвящены прежде всего интересам русской культуры. Нашему журналу суждено выходить в особо тяжких для русской общественности условиях: в самой России свободному, независимому слову нет места, а здесь, на чужбине, сосредоточено большое количество культурных сил, насильственно оторванных от своего народа, от действительного служения ему. Это обстоятельство делает особенно ответственным положение единственного сейчас большого русского ежемесячника за границей. “Современные записки” открывают поэтому широко свои страницы, – устраняя вопрос о принадлежности авторов к той или иной политической группировке, – для всего, что в области ли художественного творчества, научного исследования или искания общественного идеала представляет объективную ценность с точки зрения русской культуры. Редакция полагает, что границы свободны суждения авторов должны быть особенно широки теперь, когда нет ни одной идеологии, которая не нуждалась бы в критической проверке при свете совершающихся грозных мировых событий» (Современные записки. 1920. № 1. С. III).

В следующем же абзаце, при попытке избежать второй опасности, авторы заявления намечают такой подробный план последующей работы, что более или менее подробное следование ему обеспечивало бы, думается, в самом скором времени наступление в России нового «Февраля»: «Как журнал общественно-политический, “Современные записки”, орган внепартийный, намерены проводить ту демократическую программу, которая, как итог русского освободительного движения XIX и начала XX века, была провозглашена и воспринята народами России в мартовские дни

1917 г. единство России на основе федерации входящих в ее состав народов; Учредительное собрание; республиканский образ правления; гарантии политических и гражданских свобод; всеобщее избирательное право в органы народного представительства и местного самоуправления; передача земли трудящимся на ней; всесторонняя охрана труда и его прав в промышленности – таковы основные элементы программы, за которыми, по глубокому убеждению Редакции, продолжает стоять подавляющее большинство населения России. Тяжкий опыт истекшего трехлетия способен лишь укрепить убеждение в необходимости демократического обновления России» (Современные записки. 1920. № 1. С. III–IV).

Далее, словно бы понимая, что «всесторонняя охрана труда и его прав в промышленности» и «единство России на основе федерации входящих в ее состав народов» вряд ли могут быть обеспечены силами даже соредакторов такого журнала, как «Современные записки», редакция в конце концов «считает необходимым установить здесь лишь основную свою точку зрения: что воссоздание России не совместимо с существованием большевистской власти; что оно возможно лишь в меру самостоятельности внутренних сил самого русского народа, и то разрешение этой задачи, непосильной ни для одной партии или класса в отдельности, требует объединенных усилий всех, искреннее порвавших со старым строем и ставших на сторону общенародной революции 1917 г.» (Современные записки. 1920. № 1. С. IV). Заявив в последнем пассаже об «основной своей точке зрения» – неприятие большевизма, – в финале авторы заявления опять не удерживаются и к числу тех, кто «искреннее порвал со старым строем и встал на сторону общенародной революции 1917 г.», относят, может сложиться впечатление, И.С. Шмелева, И.А. Бунина, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, В.В. Набокова и многих других, активно печатавшихся в журнале художников и мыслителей, на роль вставших на сторону «общенародной революции», как известно, не претендующих.

Журнальная программа и ее реализация, отличавшаяся удивительными, но объяснимыми «несовпадениями» в самых, казалось бы,

принципиальных пунктах, является одним из болезненных векторов книги М. Вишняка, заговорить о котором он счел нужным уже в самом ее начале: «Что “Современные записки” представляли огромную культурную ценность, признавали все, – лишь степень восхищения была различна. Разногласия начались и множились при оценке общественно-политического значения журнала. Только меньшинству импонировали “Современные записки” как журнал внепартийный и общедемократический, созданный и руководимый группой политических единомышленников, оставшихся верными идеям народнического и демократического социализма, но считавших себя общественно обязанными предоставить страницы своего журнала и всем другим демократическим течениям. Для большинства отношение к политической установке “Современных записок” определялось положением, которое то или иное лицо или орган печати занимали в общем политическом спектре русской эмиграции. Одни были недовольны чрезмерной широтой журнального фронта, другие – его излишней, по их мнению, узостью. Каждый “тянул одеяло на себя”, в свою сторону, и, приветствуя журнал, задавал коварный вопрос его редакторам: “с кем же вы, наконец? С нами или с ними?” “Мы” и “они” распределялись в таких случаях по-разному» [3, с. 12–13].

По большому счету, его книга является попыткой поиска ответа на этот вопрос, различные грани которого высвечивались то тут, то там. Например, словно гоня прочь собственные сомнения, М. Вишняк постфактум дает следующее, эмигрантское, но, думается, весьма адекватное ситуации объяснение: «Общественная “база” журнала была широкой, но не безграничной. Журнал предоставлял место всем демократическим течениям, безотносительно к их идеологическим предпосылкам и невзирая на частные расхождения и несогласие. Это исключало возможность появления в “Современных записках” авторов, враждебных демократии. Границы были установлены, может быть, и произвольно, но они существовали» [3, с. 15].

Общая картина дополнялась еще и тем, что у соредакторов были постоянные разно-

гласия по самым различным поводам – начиная с видения целостной концепции издания и его эволюции в очерченных каждым из них «рамках», и заканчивая личными литературными, общественными и философскими пристрастиями и взглядами.

Казалось бы, при определении направленности, политики и «философии» «Современных записок» мы вынуждены либо признавать факт максимальной открытости издания, либо ограничиваться тем минимумом, который становится более или менее отчетлив при внешнем, поверхностном взгляде на эту философию, взгляде, учитывающем в первую очередь мемуарные, критические и другие источники исторического плана, носящие в большинстве своем оценочный характер, и лишь во вторую очередь – сами тексты, напечатанные в журнале, – их характер, смысл и поэтику. Выбрав второй путь, мы вынуждены констатировать лишь немного. Во-первых, бесспорным является антибольшевистская направленность «Современных записок» – антибольшевизм разделяли и в той или в иной степени проповедовали не только все пять соредакторов журнала, но и почти все авторы и сотрудники журнала. Во-вторых, редакция избегала сотрудничества с представителями крайне правых эмигрантских течений и тех, кто высказывал комплиментарные идеи по отношению к советской власти. И в третьих – самое главное – в журнале, как ни в каком другом эмигрантском издании, принимали участие и активно печатались почти все самые видные художники и мыслители русского зарубежья, объединение которых (их текстов) на данном этапе наших рассуждений (основанных до сих пор лишь на внешнем, историческом подходе к материалу) возможно лишь на двух основаниях: дистанцирование от радикализма правого толка и – крайне шаткое и расплывчатое основание – педалирование «демократических» и «освободительных» идеалов. Как видно, этот вывод может удовлетворить формат, например, словарной статьи, но на уровне собственно текстового анализа мы, ограничившись последними выводами, также были бы вынуждены констатировать принципиальную «разноголосицу» многочисленных текстов, напечатанных в «Современных записках», их смысловую несовместимость или совмести-

мость минимальную (что общего, к примеру, между статьями М. Вишняка и Ф. Степуна, или, скажем, романами И. Шмелева и В.В. Набокова, помещенными в единое текстуальное пространство журнала?), повышенный уровень «текстуальной энтропийности» этого пространства, невозможность его структуризации, отсутствие в нем системных эффектов, поиском которых в самых различных областях культуры так занимается социогуманитарная мысль. Поэтому так важно продолжить разговор об этой проблематике уже на ином – текстологическом – уровне анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеносов, В. В. «Версты» / В. В. Агеносов // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. 2: Периодика и литературные центры. – М. : РОСПЭН, 2000. – С. 52–56.
2. Богомолов, Н. А. «Современные записки» / Н. А. Богомолов // Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. – М. : РОСПЭН, 2000. – С. 443–451.
3. Вишняк, М. В. «Современные записки»: Воспоминания редактора / М. В. Вишняк. – СПб. : Logos ; Дюссельдорф : Голубой всадник, 1993. – 240 с.
4. Жирков, Г. В. Типологические особенности журналистики русского зарубежья / Г. В. Жирков // Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – С. 174–186.
5. Киселев, А. Ф. Предисловие / А. Ф. Киселев // Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. – М. : ВЛАДОС, 1999. – С. 3–6.
6. Пархомовский, М. По другую сторону баррикад, или Кто создал «Современные записки» / М. Пархомовский // Евреи в культуре русского зарубежья. – Иерусалим, 1992. – Вып. 1. – С. 219–225.
7. Терапиано, Ю. К. Встречи: 1926–1971 / Ю. К. Терапиано. – М. : Intrada, 2002. – 384 с.
8. Шильникова, О. Г. Типологический алгоритм «толстого» журнала в России XIX–XX веков / О. Г. Шильникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. – 2008. – Вып. 7. – С. 65–77.
9. Щагин, Э. М. Республиканско-демократический лагерь / Э. М. Щагин, С. В. Константинов // Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг.: Документы и материалы. – М. : ВЛАДОС, 1999. – С. 518–599.

THE JOURNAL “MODERN NOTES” IN THE ASPECT OF TYPOLOGY OF THE PERIODICALS OF THE RUSSIAN EMIGRATION OF THE “FIRST WAVE”

Alexandr V. Mlechko

Doctor of Sciences (Philology),
Professor of the Department of Russian Philology and Journalism,
Volgograd State University
iryas@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article discusses the main stages of the creation of one of the largest “thick” magazines in the history of Russian journalism – the journal “Modern Notes” (1920–1940). At the same time, the history of the magazine fits both into the broad picture of the history of journalism of Russian emigration and into the paradigm of its typological characteristics. Particular attention is paid to the analysis of the ideology and editorial policy of the “Modern Notes”, as well as the characteristics of the texts printed in the journal.

Key words: magazine, emigration, typology, periodicals, journalism, literature.